

Stukalova, Ol'ga Vadimovna

Русский человек "в самую его глубь" : (анализ рассказа Н.С. Лескова "Загон"). Часть 2

Opera Slavica. 2015, vol. 25, iss. 3, pp. 3-12

ISSN 1211-7676 (print); ISSN 2336-4459 (online)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/134600>

Access Date: 30. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Ольга Вадимовна СТУКАЛОВА

Русский человек «в самую его глубь» (анализ рассказа Н. С. Лескова «Загон»). Часть 2

Статья посвящена анализу особенностей восприятия и отражения русского национального характера в творчестве Николая Лескова. Автор наиболее полно анализирует рассказ «Загон», в котором отражается в концентрированном виде жизнь российского общества во всем разнообразии проявлений, со множеством деталей.

Ключевые слова: Николай Лесков; русская литература; национальный характер; амбивалентность восприятия истории; проблемы русской жизни

Russian National Character “into the Very Depths” (Analysis of the N. S. Leskov’s Story “Paddock”). Part 2

This article analyzes the features of perception and reflection of the Russian national character in the works of Nikolaj Leskov. The author considers the most complete story, “Paddock”, which is reflected in a concentrated form of Russian society in all its diversity manifestations, with many details.

Key words: Nikolaj Leskov; Russian literature; national character; the ambivalence of the perception of history; the problems of Russian life

(Продолжение статьи из предыдущего номера.)

Вторая глава под названием «Шут севацкой» продолжает тему несоответствия, непонимания, насильственного насаждения чуждых порядков, традиций, образа жизни. Сатирически представленная череда персонажей заставляет вспомнить героев Гоголя и Салтыкова — Щедрина.

Чего только стоит «интересный человек» Всеволожский — «безумный мот», который преобразился «из миллионера в нищего», его супруга «урожденная Клушина, все туалетные вещи и платья выписывавшая себе «прямо из Парижа» (сразу вспоминается Хлестаков с его супом в кастрюльке), губернатор Панчулидзе — «меломан и зверь», печальный пожилой буфетчик Всеволожского «бывало, подаешь заседателю Б.

французский паштет, а у самого слезы на рукав фрака падают. Видеть стыдно, как он все расковыряет».

История «каменной деревни» горька, смешна и глубоко драматична.

Как только Всоложский пытается улучшить жизнь своих крестьян, все оборачивается против него. Глухая стена непонимания возникает между баринном и его подданными, между его стремлением сделать как лучше и его же сословием.

Конфликт между «райским баринном» (здесь само название села Райское оборачивается едкой сатирой с далеко идущими аллюзиями — нет возможности построить на Руси настоящее райское село) и его крестьянами не является еще одним примером полной дремучести крестьян: «Он, например, построил им в селе общую баню, в которую всем можно было ходить мыться, и завел школу, в которой хотел обучать грамоте мальчиков и девочек; но крестьяне в баню не стали ходить, находя, что в ней будто «ноги стынут», а о школе шумели: зачем нашим детям умнее отцов быть?».

Думается, что здесь перед нами настоящая национальная драма — страшный непреодолимый разрыв между двумя классами одного народа, трагедия отсутствия общего языка, даже возможности его найти.

Конечно, во всех странах существовал (и существует) известный разрыв между высокообразованным слоем и трудящимися массами. Но только в России этот разрыв приобретает столь трагические масштабы. Почему? Объяснение этому историческому явлению российской истории надо искать в далеком прошлом, может быть, даже во временах петровских реформ, когда и начал складываться этот тонкий слой образованных русских людей — в прошлом мы обнаружим, что слой этот создавался одновременно с полным закрепощением народа. Самодержавие подавило нравственную энергию народа, привело его к нищете. Русский крепостной крестьянин не имел ни социальной, ни экономической независимости, и это приводило его к неумению отстаивать свои права, к духовной стагнации.

Н. Г. Чернышевский совершенно справедливо писал: «Какая энергия в умственном труде возможна для человека, у которого подавлено и сознание своего гражданского достоинства, и даже энергия в материальном труде, который служит школой, подготовляющей человека к энергии в умственном труде?»¹.

Каменные дома, удобные и аккуратные, все одинаковой величины, с печами, трубами и полами произвели на крестьян, выведенных из Орлов-

¹ KANTOR, V.: *Trudnyj put' k civilizacii*. Novyj mir, 1987. № 6.

ской губернии, где они жили в беструбных избах, совершенно противоположное ожидаемому впечатление: «В каменном жить, это все равно что острог». На первый взгляд, это факт возмутительный, еще одно свидетельство «глуповства»... Но если задуматься, то видишь, что виноваты здесь не столько сами крестьяне, сколько те, кто принудительно и грубо насаждает «образование», не спрашивая ни совета, не узнавая, желают ли сами люди этого: «Шкот стал уговаривать мужиков, чтобы они обчистили каменные дома и перешли в них жить; но мужики взъерошились и объявили, что в тех домах жить нельзя. Им указали на дворовых, которые жили в каменных домах. «Мало ли что подневольно делается, отвечали крестьяне, а мы не хотим». Нравы — дело тонкое, не лобовое. Кроме того, вполне вероятно, что в общественной бане, действительно, «стыли ноги». Да и, вообще, можно ли человека сделать счастливым против его желания? Это уже вопрос философский, этический, но в России он смыкается с политическими проблемами. Неразумное, антинародное устройство общественной и государственной жизни приводит к ситуации постоянного противостояния народа и власти, ситуации, которая и создает возможности для конфликта между стремящимся облегчить жизнь своим подданным помещиком и крестьянами, которым все это глубоко чуждо, ненужно, потому что непонятно, потому что идет «сверху».

Принуждение влечет за собой сопротивление. Даже хорошему и полезному. В этом другая сторона трагического разрыва внутри русского народа.

Но самое удивительное, и в этом одна из особенностей лесковского мировоззрения — увидеть ничем не прикрашенную жизненную правду, изобразить жизнь во взаимоисключающих порой противоречиях, жизнь, в которой постоянно смешиваются трагическое и смешное, грустное и веселое, доброе и злое, самое удивительное, что из этого конфликта разрастается настоящий фарс.

Панчулидзева, попытавшийся заступиться за крестьян перед Шкотом (иностранцем) за русских крестьян, оказывается замешан в такие дела, «за которые человеку надо бы не губернией править, а сидеть в остроге».

Далее путаница продолжается, в нее замешиваются все новые и новые лица, фарс разрастается... Образуются две противоположные партии: русская прогивостоит «шкотовской». И вот уже источник дела забыт, крестьянские проблемы никого не интересуют, а в дело вступают политические и властные амбиции. Интрига развивается: поддержавший губернатора дворянский предводитель генерал Арапов, славившийся злыми собаками, открытым столом, «а при столе своими писателями и поэтами», придумал такой ход против нововведений Шкота, что в результате всем

стало ясно: «...у нас в России все хорошо и просто и все сообразно нашему климату и вкусам и привычкам нашего доброго народа».

Как видим, в данном случае нововведениям помешали политические игры в губернии. Властям уже неважно было, за что бороться, главное — победить. В конце главки «русская партия» торжествует победу; ничего нового не надо: надо жить по старине — в куренке. Но самое главное и самое лучшее, что есть в жизни русского крестьянина — это сажа!

Мощное крещендо нагромождаемых друг на друга нелепостей и парадоксов приводит читателя к третьей главке, которая называется «Лечение сажей».

Здесь уже нет иронии, доброй насмешки, здесь царствует сарказм. Вся глава — прославление лечебных свойств «лоснящейся сажки», которую надо с особой сноровкой «скрести сверху вниз» отчего изменяются ее медицинские свойства. И получить ее можно было нигде иначе, как только «на стенах, натертых мужичьими потными загорбками». Пафос до предела усиливается утверждениями, что «на Западе такого добра уже нет, и Запад придет к нам в Загон за нашей сажеею... а цену, понятно, можем спросить какую захотим. Конкурентов нам не будет».

Лесков едко замечает, что «баснословная пензенская знать» совершенно «обмелела», до того, что «кичилась своею араповщиной». Размышления над этой лесковской фразой приводят к сравнению такого поведения высших слоев общества с проявлениями лучшей и благородной части образованного меньшинства. В этой главке даже «промотавшийся помещик» Всеволожский когда-то, как, впрочем, и большинство окружающих развлекавшийся совершенно дикими забавами, выглядит благородным, деятельным и бескорыстным радетелем общей пользы.

Еще одна неприглядная черта русской жизни, Загона — высмеять, прогнать, затоптать лучшего, действительно благородного, умного, активного — высвечивается в этой главке.

Абсурдность же поведения высших слоев ни в чем не уступает дремучему упрямству низших: «На губернских балах ...между бесстыжими выходками всякой пошлости прославляли «ум и чуткость русского земледельца», который не захотел жить в чистом доме». Это воспринимается с абсолютной серьезностью. Никто не видит и не хочет видеть, что реальность все больше напоминает какой-то дурной фарс, анекдот.

Глава «Всевозможные бетизы» прямо указывает на парадоксальную, ненормальную вывернутость всего, что происходит в этом одном из самых темных отделений Загона.

Все учреждено здесь навыворот: «улицы содержали в состоянии болот, а тротуары для пешеходов устроили так, что по ним никто не отваживался

ходить. Тротуары эти были дощатые, а под досками были рвы с водою. Гвозди, которыми приколачивали доски, выскакивали, и доски спускали прохожего в клоаку, где он и находил смерть. Полицейские чины грабили людей на площади; предводительские собаки терзали людей на Лекарской улице в виду самого губернатора, с одной стороны, и исправника Фролова — с другой; а губернатор собственноручно бил людей на улице нагайкою... Словом, это был уже не город, а какое-то «разбойное становище».

Вымышленная, перевернутая жизнь, параноидальное сознание, в котором при всей логичности выводов неверен сам первоначальный посыл «и пошло — поехало!». Заклятое место Загон — все в нем как будто в страшной сказке оборачивается какой-то ужасной стороной: «Бетизы» долежались в Райском до Шкота. Он мне их показывал, и я их видел, и это было грустное и глубоко терзающее позорище!.. Все это были хорошие, полезные и крайне нужные вещи, и они не принесли никакой пользы, а только сокрушили тех, кто их припас здесь».

Где же корень всех этих зол? Лесков прямо пишет здесь о том, что хуже всего то, что народу «говорят ложь и внушают ему, что дурное хорошо, а хорошее дурно». Слова эти вложены в уста «шамкающего» англичанина Шкота. Но Шкот видит причину такого тотального неустройства и невозможности «хорошего» еще и в том, что «здесь живет народ, который дик и зол».

Согласен ли Лесков со своим героем? Ответить на этот вопрос можно только в результате целостного анализа этого текста, от чтения которого становится страшно, тоскливо и безысходно на душе. Более всего от ощущения, что некоторые фразы Лескова звучат как будто из сегодняшнего дня... Неужели, действительно, ничего не меняется в Загоне: все тот же беспредел властей, та же бесхозяйственность, та же жизнь по закону «навыворот»?

Пятая глава, названная «Интервал», самим своим названием обещает некое ослабление напряжения, отдых. «Сделаем шаг в сторону, где больше света». И что же? Лесков подробно описывает картину, где Загон огражден китайскою стеною и как-то особенно темен и безотраден. Н. И. Пирогов «любимец и настоящий герой», который «во время войны резал руки и ноги, а после войны приставляет головы», «подпал осмеянию и был оклеветан», а на его место появляются новые герои, знаменитости, каких нет на Западе и которым Запад должен позавидовать. Один из них «прослыл в ученых», а другой, опасаясь угроз Англии, не пил на приемах «из бокалов, которые ему подавали, а хлебал из сусудского».

Сам Лесков хорошо представлял себе «изнанку Крымской войны» (так называлась одна из его статей) — будучи 18-летним юношей он принимал участие в организации рекрутских наборов. Крымская война стала предметом раздумья писателя на протяжении всей его жизни. В своих произведениях он снова и снова будет возвращаться к этой столь неудачной для русского оружия военной кампании, которая, по его мнению, была «вскрытием затычного нарыва и показала: чем питался организм всей страны и каковы его соки» (из статьи «Потревоженные тени»²).

В этой главке Лесков очень точно описывает сменяющиеся настроения загонного общества («Шло что-то новое: бахвальства сменились картинками «Изнанки Крымской войны» и «Параллелями» Палимпсестова»). Главным же событием, точнее результатом потревожившей Загон войны, стало выявление «убожества» жизни Загона: воровство, растерянность, неорганизованность («Регулярные полки и ратники ополчения тащились на ногах через Киев...»).

Фраза, открывающая главку, в таком контексте звучит совершенно иначе: место, где больше света — это место, где особенно ярко видно, насколько темна и безотраднa жизнь в Загоне. Лесков использует здесь развернутую метафору, которая строится на антитезе: темное — светлое.

Темное — это все, что принадлежит Загону, «крепко огражденному китайской стеной» (само слово «китайский» тоже не случайно³), это «трогательная доска», которая «прихлопнула по темени» талантливого английского военного инженера, это «хлам», которым затыкали стены, чтобы не пустить свет, это «здравомыслие» навыворот: «мы ощутили, что нам опять нужна «стена» и внутри ее — загон!»⁴, это осмеяние лучших честнейших и умнейших людей, таких, как Пирогов, это бессилие и слабость

² Istoričeskij vestnik. 1890. № 12. С. 817–819 — цит. по кн. LESKOV, N. S.: *Povesti i rasskazy*. Moskva: Pravda, 1988. Примечания Б. С. Дыхановой. С. 580.

³ Слова «китайский», «китайщина», «китаизм» имеют прямое отношение к словарю духовной оппозиции русского общества. См. об этом: GERCEN, A. I.: *Sočinenija v 2-ch tomach*. Т. 2. С. 383; MEREŽKOVSKIJ, D. S.: *Bol'naja Rossija. Izbrannoje*. Leningrad, 1991. С. 22–23; ČERNYŠEVSKIJ, N. G.: *Polnoje sobranije sočinenij v 15-ti tomach*. Moskva, 1950. Т. 2. С. 616; FEDOTOV, G. P.: *Sud'ba i grechi Rossii*. 1990. Т. 1. С. 130). За самим словом «китайский», употребленном в контексте изображения особенностей российской действительности, для просвещенного читателя возникает целый ассоциативный ряд, связанный с образом чего-то неподвижного, отсталого в отличие от цивилизованного, т. е. западного.

⁴ Интересно, что в одной фразе Лесков точно описывает состояние русского общества после Крымской войны, которая вынесла безжалостный приговор царствованию Николая I. См. об этом подробнее: SOLOVJEV, S. M.: *Izbrannyye trudy. Zapiski*. Moskva: Chudožestvennaja literatura, 1983. С. 332–335; LEVIN, Š. M.: *Očerki po istorii russkoj obščestvennoj mysli*. Leningrad: Prosvěščenije, 1974. С. 322.

правительства, это «спешка и суматоха», это опасная забывчивость, это неумение (а, может, и нежелание) извлечь уроки из прошлого.

Светлое — это то, что приходит извне, т. е. «лучи света», «порядок, чистота, тихий образ жизни». Но есть светлое, идущее изнутри Загона. И, возможно, здесь кроется ответ на вопросах о позиции самого Лескова в отношении слов Шкота о «злом» народе. В Загоне, как это ни удивительно, появляются такие «излюбленные люди», как Н. И. Пирогов, стремящийся к тому, чтобы «воспитать человека». На короткий срок (главка так и называется «Интервал») общество вдруг сознает, что оно безнадежно отстало, невоспитанно, что это страшный грех, что надо идти за Пироговым, предлагающим ввести высшее образование «в независимости от „одной только ближайшей цели“». Здесь возникает переключка с главкой «Тяготение к желудю и корыту» — отказ крестьянина понимать возможность истощения земли в будущем получает большую глубину осмысления опасности такой позиции после прозвучавших в главке «Интервал» слов Пирогова: «преследуя одно ближайшее, мы незаметно попадем в лабиринт, из которого трудно будет выбраться».

Казалось бы, в Загоне возникла ситуация, когда может начаться быстрое улучшение. Но нет. Не прошло и года, как снова вспомнился Загон, снова ощутили необходимость стены. В спешке и суматохе «позабыли то, чего не надо бы забывать».

Что же забыли обитатели Загона? Забыли свое горе, и еще насмеялись над всеми лучшими порядками, назвав их «припадком сумасшествия». Но забыв свое горе, некоторые обитатели Загона не забыли «сделать для себя „заграничное место“», Меррекуль, где «есть чистота, порядок, тихий образ жизни и изобилие русских генеральш». Здесь важно это слово — «заграничное», за которым стоит этот милый и тихий рай для русских генеральш. Итак, рьяно утверждать, что Россия должна идти своим особым путем, восхищаться нежеланием русского мужика жить в чистой избе и [...] построить для личного отдыха «заграничное место». Это ли не типичное поведение русских властей!

Глава «Возвышенные порывы» как раз и рассказывает о том, «что же такое учреждают здесь эти почтенные дамы, тяготеющие к чужим краям».

Учредили, казалось бы, хорошее дело — построили церковь. Но исключительно для того, чтобы затмить местную лютеранскую капеллу, известную своим «*gemutlichkeit*»^{ом}. Выдвинули церковь на вид, построили при большой дороге, «раззолотили по кантам». Результатом усилий стало то, что «к алтарю храма протянул свою дерзкую руку вор». Построили при церкви школу, но чтобы «достичь большой экономии и пристыдить чухон [...] завели такого учителя, что он за одну учительскую плату был тоже цер-

ковным сторожем [...] звонарем, подметал бы церковь и ходил у батюшки на посылках». В результате всех этих действий «оказались мы и здесь в своем виде и в своих правилах».

Аллюзии с современностью здесь настолько яркие, что в очередной раз поражаешься то ли провидческому дару Лескова, сумевшего из 90-х гг. прошлого века заглянуть на сто лет вперед, то ли удивительной устойчивости главных правил жизни Загона...

Раззолоченная церковь соседствует со скарденностью в отношении учителя (где они, заветы Пирогова — «думать не только о ближайшей цели?»).

Строительство церкви объясняется не духовной потребностью в месте для тихой молитвы, а для того, чтобы она «всем бросалась в глаза». В результате: проповеди в этой церкви не последовало, и «действительно добрый» православный священник Александр Гумилевский возвратился в Петербург. «Золото заиграло на солнце», только вот проповеди и смелых речей («...что все люди на свете имеют одного общего отца; что ни одна национальность не имеет основания и права унижать и обижать людей другой национальности; что нельзя молиться о мире, не почитая жизни в мире со всеми народами за долг и обязанность перед богом...») не прозвучало в стенах этой церкви.

Седьмая глава «Апофеоз» рассказывает читателю о том, как желание чудесного и необыкновенного привело к известности и святости человека, которого в других местах погнали бы со двора.

История возвышения Ефима Волкова, который « всю свою жизнь пьянствовал и рассказывал о себе [...] разные вздоры», столь же удивительна, сколь и типична для жителей Загона. Он и пророчествует, и рассказывает о себе по секрету, что он «через какое-то особенное дело стал вроде французской «Железной маски» или византийского „Вылезария“». И, вообще, утверждает, что он «никакой не Ефим, а может быть, — Эфир». Название главы «Апофеоз» может быть продолжено так — апофеоз бездуховности, пустоты социальной жизни, мракобесия, апофеоз, который предвещает близкую катастрофу.

Альянс «петербургских генеральш» с новоявленным пророком Мифимкой — еще одно удивительное проявление провидческого дара Лескова. В этой главе все звучит как предвестие действительно случившейся катастрофы — распутищины. В главе много поразительных совпадений поведения петербургских генеральш и их дочерей с поведением царского двора при Распутине: «Мифим обнаружил осторожность и не захотел благословлять девиц в доме, при прислуге, а велел вывести их в лес, к санным стогам, и у стогов благословил их и дал облобызать свои руки». За историей с Мифимкой последовала настоящая буря. Она смела с лица земли

и «петербургских генеральш», и императора, и всевозможных губернаторов... Но на смену Загону не пришло ничего особенно нового. Сменились разве названия...

Итак, финал рассказа подводит черту под создаваемым анекдотическими случаями, «списанными с натуры», образом Загона. Образом безрадостного, темного места, само название которого связано с чем-то скотским — загоны ведь создают для скота, а не для людей. В этот Загон согнаны все: и те, кто внизу, и те, кто сверху. Они все грешны, они все удивительно дремучи, неблагодарны, они все отказались от «простоты разума».

Рассказ Лескова отличается удивительным сочетанием документальности и мифологизма. Ссылки на события, бывшие в действительности, указания точных дат, подтверждение событий, происходящих в Загоне, примечаниями автора, который отсылает любознательных читателей то к сочинениям Вл. Соловьева, то к «Петербургской газете»⁵, то к творению З. Г. Тюкена, мекленбургского эконома, создают убедительную основу для фантастических мифов (лечебные свойства сажи, святость Ефима Волкова).

В этом произведении Лесков выступает продолжателем гоголевских традиций. Перед читателем проходит череда персонажей, прямо связанных с героями «Мертвых душ» и «Ревизора». Горькая сатира Лескова роднит его и с Салтыковым-Щедриным. Сам образ Загона родственен городу Глупову, и настроение безысходности, беспросветности, «смеха сквозь слезы» рождается из этого образа темного, огороженного стеной места, очень похожего на тюрьму.

Образ брошенного «ничьего» места» создает ощущение неразрешимого, затянувшегося конфликта людей и земли, которая никому не нужна. Жители Загона отказались от истинных ценностей, подчинили свою душу «телесному болвану», они не желают заботиться о земле, разумно используя данные им природой богатства. В рассказе глухо звучит страшное предупреждение о неизбежности возмездия за пустоту жизни, за неблагодарность и жестокость по отношению к тем, кто желал возрождения этой земле, кто стремился к «воспитанию народа».

Сочетание документального и невероятного в этом рассказе создает эффект гротескного, саркастического реализма. Этому способствует и сама сжатая форма произведения, которая своим лаконизмом сильнее высвечивает все парадоксы, во множестве встречающиеся в реальной жизни.

⁵ Газета, основанная в 1867 г. И. А. Арсеньевым. Направление «Петербургской газеты» менялось к оппозиционности в 70-е гг., а в 80-е — это типичная бульварная газета.

Соединяя, казалось бы, несоединимое в единую ткань повествования, Лесков рисует фантастический и страшноватый образ «заколдованного места», в котором читатель с удивлением обнаруживает давно знакомых персонажей и явления, ставшие привычными в нашей жизни. Столь же глубоко интересуют автора и почти мистический процесс преобразования всего, что извне попадает в Загон. Самые, казалось бы, рациональные и полезные идеи, претворяясь в жизнь на этой территории, изменяются до неузнаваемости. Логически правильная мысль оборачивается фарсом, и Лесков прослеживает этот процесс со свойственным ему парадоксальным горьким юмором, не давая, впрочем, ответа на вопрос: «Почему?».

Почему в Загоне действует абсурдная система кривых зеркал, искажающая все то, что не вызывает сомнений своей правильностью, полезностью и естественностью?

Но самое главное — Лесков с горечью констатируют все большее духовное опустошение тех, кто живет в Загоне. Люди не занимаются нормальным делом. Тот, кто живет на земле, не хозяин сам себе, оттого и равнодушные, апатия и общая деградация.

Литература:

LESKOV, N. S.: *Povesti i rasskazy*. Moskva: Izdatel'stvo «Pravda», 1988.

LESKOV, N. S.: *Sobranie sočinenij v 11 t.* Moskva: Goslitizdat, 1958.

GROSSMAN, L.: *N. S. Leskov. Žizn'. Tvorčestvo. Poètika*. Moskva: Goslitizdat, 1945.

KANTOR, V.: *Trudnyj put' k civilizacii*. Novyj mir, 1987. № 6.

Olga Vadimovna Stukalova

Federal National Scientific Institute “Institute for Arts Education”,

Russian Academy of Education, Moscow, Russian Federation

chif599@gmail.com